

Добровольные общества России в кампании против неприятельских подданных в годы Первой мировой войны

Важной составной частью патриотической мобилизации населения была кампания против подданных государств, с которыми воевала Россия. Эта кампания получила освещение в российской и зарубежной историографии², однако ее существенный аспект, касавшийся вовлечения добровольных обществ в борьбу с вражеским засильем, а также участия неприятельских подданных в российских добровольных организациях, практически не изучен. Задача кампании заключалась в росте национального самосознания, привитии русским подданным чувства национальной гордости и превосходства, сплочения населения империи вокруг титульной нации.

Внутренние пружины и ход этой кампании рассмотрел Эрик Лор, трактуя ее как «попытку получить массовую народную поддержку с целью превратить имперское государство в более «национальное» и максимально успешно мобилизовать ... силы для продолжения войны до полной победы». Лор показал, как, начавшись с временных мер, призванных обеспечить безопасность тыла, мобилизация российского общества и государства против подданных враждебных государств, а также российских подданных, сочтенных неблагонадежными в силу своей национальности или этнического происхождения, переросла в шовинистическую кампанию против иностранного засилья³.

В царской России кампания против вражеских подданных приобрела накал ввиду существенных позиций в экономической жизни империи иностранцев, прежде всего, немцев. Неприятие к вражеским подданным нарастало у коренного населения страны по мере усиления объективных трудностей, испытываемых в условиях войны и в связи с ухудшением положения на фронтах.

Националистическая кампания против вражеских подданных захлестнула страну уже летом – осенью 1914 г. Ее жертвами были подданные враждебных России государств, прежде всего, Германии и Австро-Венгрии, а также национальные меньшинства немецких колонистов, являвшихся под-

---

¹ Доктор исторических наук, профессор, эл. почта – anastasiya13@mail.ru

² Lohr E. *Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I*. Cambridge, 2003; Розенталь И.С. *И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв.* М., 2007. С. 303–315.

³ Лор Э. *Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны*. С. 11–12, 195, 197.

данными российского императора. Наряду с правительством и генералитетом, в борьбе с «немецким засильем» активно участвовала общественность, а сама кампания затронула многие добровольные общества. Противодействие «немецкому засилью», развернувшееся в рамках обществ, будет рассмотрено в нашем докладе. В качестве самостоятельной проблемы данный вопрос ранее в литературе не ставился.

Лидеры добровольных обществ стали высказывать свою позицию по поводу присутствия в организациях подданных воюющих с Россией держав еще до принятия правительственных постановлений по данному вопросу. В числе первых «патриотический» настрой выразили организации творческой интеллигенции. Так, 10 октября 1914 г. 44 члена Московского литературно-художественного кружка предложили исключить из него австро-германских подданных: речь шла о двух действительных членах и пяти членах-соревнователях. В ходе обсуждения раздалось возражения, что обыватель увидит в этом одобрение авторитетным столичным клубом насильственных действий, в результате чего дело может дойти до погромов. Поэтому дирекция клуба предложила использовать паллиативную меру: не возобновлять членам клуба, являвшимся австро-германскими подданными, членские билеты «до нового рассмотрения» и не пускать их в клуб в качестве гостей. За это предложение было подано 47 голосов, против него голосовали 8 человек, в числе которых был С.П. Мельгунов, выразивший свою гражданскую позицию словесным заявлением о недопустимости такой меры «с моральной стороны» и своим выходом из Московского литературно-художественного кружка. Мельгунов подвергся тогда травле со стороны московской прессы, называвшей его «изменником»⁴.

Мельгунов так описал чрезвычайное общее собрание в Литературно-художественном кружке 10 октября: «Было это довольно глупо, ибо шла речь о таких «немцах», как придворный фотограф Фишер, едва ли не родившийся в России. Но наши «патриоты» страшно стремятся выявить свой патриотизм. Произносились в полном смысле слова погромные речи...»⁵. В своих воспоминаниях Мельгунов попытался дать происшедшему психологическое объяснение: «Литературный мир не избегал общего психоза. Здесь... действовал «закон» имитативности, т.е. проявлялось то свойство людей приходить в унисон с окружающим, влиянию которого на общественную психологию не-

---

⁴ Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!»... С. 305–306.

⁵ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. Часть вторая. Дневники. Записи 1914–1916 гг. С. 246.

которые психологи придают большое значение»⁶. Мельгунов недвусмысленно намекал на проникновение в крупный литературный клуб и в московские интеллигентские круги погромных антигерманских настроений.

Наряду с литературными обществами, германофобия охватила и общества пожарников. Так, Совет Императорского российского пожарного общества предложил ассоциациям пожарников исключить из своих рядов подданных враждебных России стран⁷. Посильное участие в кампании приняли и научные организации. Так, на заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете 7 февраля 1915 г. обсуждалось предложение ректора университета М.К. Любавского о лишении членства подданных воюющих с Россией держав, за исключением лиц славянского происхождения и христиан, состоящих в турецком подданстве⁸. В мае 1915 г. ректор Киевского университета святого Владимира обратился с предложением ко всем существующим при университете общественным организациям пересмотреть списки своих действительных членов на предмет выяснения присутствия в них подданных Германии, Австрии и Турции. Подданных враждебных России государств предлагалось исключить⁹.

Участие общественных организаций в борьбе с иностранным засильем не ограничивалось фактами исключения подданных враждебных государств. Активисты научных обществ использовались в качестве экспертов в проводимой тогда кампании по переименованию городов, улиц и площадей, носивших немецкие названия. Имели место и «смены вывесок» добровольных обществ, в работе которых участвовали иностранцы. Активисты взаимновспомогательного Общества фельдшеров, фельдшерлиц и акушерок в Москве выступили 6 мая 1915 г. с предложением отказаться от немецкого названия «фельдшер» в пользу подыскания русского его эквивалента. Однако после оживленных и горячих прений здравый смысл восторжествовал и решено было оставить слово «фельдшер» в неприкосновенности¹⁰.

Правительственная позиция по вопросу освобождения обществ от засилья «вражеских подданных» была обнародована в конце осени – начале зимы 1914 г. 19 ноября 1914 г. императором было утверждено Положение Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из со-

⁶ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 23.

⁷ Российский государственный исторический архив (Далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1914 г. Д. 134. Л. 50.

⁸ Общество любителей российской словесности // Русское слово. 1915. 8 февраля; В Обществе любителей российской словесности // Русские ведомости. 1915. 8 февраля.

⁹ Исключение иностранных членов // Русские ведомости. 1915. 4 мая.

¹⁰ Среди фельдшеров // Русские ведомости. 1915. 7 мая.

става союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений». Инициатором данного акта выступил министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Выступая в заседании Совета министров 31 октября 1914 г., он пытался возложить ответственность за разработку данного акта на сами общества, настойчиво требовавшие, по его словам, исключения из своего состава подданных Германии и Австро-Венгрии.

Министерство внутренних дел, позицию которого выражал Н.А. Маклаков, признало недопустимым участие подданных воюющих с Россией государств в деятельности существующих в империи союзов, обществ и других подобных частных организаций, в особенности имевших статус императорских организаций. Министр внутренних дел убеждал членов правительственного кабинета в том, что «немецкое влияние сильно и связывает в общих собраниях многих». Маклаков предлагал исключить из обществ также и турок, но не распространять запрета на германских, австрийских и венгерских подданных славянского, французского и итальянского происхождения, что и было принято¹¹.

26 ноября 1914 г. последовала циркулярная телеграмма, направленная Маклаковым военному министру В.А. Сухомлинову, а также военным губернаторам, генерал-губернаторам, губернаторам областей, губернаторам и градоначальникам. Содержание телеграммы составляло распоряжение Маклакова местным властям «предложить» находящимся в пределах вверенных им губерний и состоящим в ведении МВД союзам, обществам, ученым, просветительным и благотворительным учреждениям незамедлительно принять меры к исключению неприятельских подданных, а также к недопущению их во вновь учреждаемые организации. Распоряжение не распространялось на германских, австрийских и венгерских подданных славянского, французского и итальянского происхождения, а также на турецких подданных христианских вероисповеданий¹².

Губернаторы доносили Маклакову, что предписали начальникам полиции своих губерний предложить состоящим в ведении МВД обществам принять меры к исключению из их составов неприятельских подданных, а также к недопущению их к участию в деятельности вновь учреждаемых организаций. Они высылали списки неприятельских подданных, исключенных из частных обществ. В этих документах, как правило, содержалась формула, что

---

¹¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М., 2006. С. 473–474; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записки заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 92.

¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1914 г. Д. 134. Л. 17.

подданные враждебных России государств исключались из состава обществ по постановлению правлений¹³. Однако очевидно, что решения об исключении неприятельских подданных принимались обществами не самостоятельно, а, как правило, «под диктовку» администрации.

В губерниях Центральной России, как следовало из переписки губернаторов с МВД, неприятельские подданные присутствовали в добровольных обществах в небольшом числе. Они входили, как правило, в общества досуговые, пожарные, литературно-художественные, взаимопомощи, реже – в просветительские. Более значительное число неприятельских подданных было исключено из обществ, работавших в многонациональных регионах.

3 декабря 1914 г. императором было одобрено Положение Совета министров «О некоторых мерах в отношении подданных воюющих с Россией держав», согласно которому все существующие в Российской империи союзы, собрания, клубы и иные общественные организации неприятельских подданных было постановлено закрыть¹⁴. Учредителям вновь открываемых общественных организаций рекомендовалось дополнять уставы указаниями о недопустимости принятия в них подданных воюющих с Россией государств. Подобные пожелания давались участвовавшим в учреждении организаций Департаментом полиции, им же контролировалось их исполнение¹⁵.

10 мая 1915 г. было утверждено Положение Совета министров «Об исключении неприятельских подданных из состава членов обществ взаимного кредита и городских кредитных обществ». Действие Положения не распространялось на неприятельских подданных славянского, французского и итальянского происхождения, а также на турецких подданных христианских исповеданий. Исключения допускались, но лишь «в уважительных случаях», по ходатайству обществ взаимного кредита и с разрешения министра финансов¹⁶.

Все описанные выше мероприятия касались подданных воюющих с Россией государств. Однако 30 ноября 1914 г. Н.А. Маклаковым был издан циркуляр, дававший местным властям основания для закрытия немецких обществ, состоявших из русских подданных. Министр внутренних дел призы-

¹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1914 г. Д. 134. Л. 29–85.

¹⁴ Особый журнал Совета министров Российской империи 12 мая 1915 г. о назначении капиталов закрываемых благотворительных обществ неприятельских подданных // Особые журналы Совета министров Российской империи... 1915 год. М., 2008. С. 257.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 4 дел-во. 1915. Д. 127. Л. 53, 61 об., 66.

¹⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи... 1914 год. С. 214; Высочайше утвержденное 10 мая 1915 г. положение Совета министров // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Составил С.М. Левин. Пг., 1916. С. 77.

вал начальников губерний, областей и градоначальств ознакомиться с деятельностью существовавших в подведомственных им территориях обществ на предмет, не преследуют ли они цели «объединения немецкого элемента на почве узко-национальных интересов и... проведения германских национальных тенденций»¹⁷.

В октябре 1914 г., еще до принятия акта, в Петрограде на период действия там военного положения была приостановлена деятельность Немецкого образовательного и вспомогательного общества. По сведениям петроградского градоначальника, эта организация, открытая в июне 1908 г., хотя и не носила конфессионального характера, однако имела целью «развитие учебно-образовательных интересов немецкого... населения путем поддержки существующих и создания новых немецких учреждений и образовательных заведений». Отсюда был сделан вывод, что Общество является «ближайшим проводником германских национальных тенденций», ставший поводом для приостановления ее работы. Превышавшая 1000 человек численность членов организации, наличие в ней большого числа лиц с русскими фамилиями, а также воспитателей и учителей привилегированного учебного заведения – Императорского училища правоведения, не спасли ее от настигшей кары¹⁸.

Постановлением губернского по делам об обществах присутствия Херсонской губернии были закрыты Херсонское немецкое общество и Кучурганское общество сорежиссеров образования. В феврале 1915 г. херсонский губернатор обратил внимание министра внутренних дел на потребительные и сельскохозяйственные общества, а также общества взаимопомощи и похоронные кассы, образованные состоявшими в русском подданстве немцами-колонистами. В стремлении организаций немецких колонистов к улучшению материального положения своих членов губернатор усмотрел якобы подспудно решавшуюся ими задачу «объединения и обособления немцев». Итогом переписки стал приказ товарища министра внутренних дел И.М. Золотарева губернатору о строгом наблюдении за обществами, в которых участвовали немцы-колонисты, и их немедленном закрытии в случае обнаружения опасного для государственного порядка направления¹⁹.

Вовлечение общественности в националистическую мобилизацию достигло своего наивысшего накала с созданием организаций, специализировавшихся на противодействии «немецкому засилью». 5 декабря 1914 г. в Петрограде было учреждено «Общество 1914 года». Уже спустя полгода, к

¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1914. Д. 152. Л. 4.

¹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1914. Д. 152. Л. 1–1 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1914. Д. 152. Л. 10–10 об., 15.

лету 1915 г., оно стяжало себе репутацию наиболее активного и последовательного борца с «немецким засильем». Деятельность «Общества 1914 года», исследованная автором на материалах ряда архивов и периодики, повествует о ходе, содержании и итогах националистической мобилизации, начатой с патриотической целью борьбы с «немецким засильем» в государственном аппарате, промышленности и торговле, и завершенной под флагом подготовки политических реформ и противодействия «засилью в верхах власти».

Кампания по борьбе с «немецким засильем» оказала двойственное влияние на российское гражданское общество. Она обернулась закрытием одних организаций, внесла коррективы в членский состав других, привела к появлению обществ, сделавших идею освобождения страны от вражеских подданных своим лозунгом и ставших сторонниками курса национализации Российской империи. Между тем преследовавшаяся задача унификации российской общественности в национальном и этно-конфессиональном отношениях так и не была решена. То обстоятельство, что государство пошло на мобилизацию под лозунгами не гражданскими, но националистическими, было мерой ошибочной, повлекшей в условиях многонациональной и этноконфессиональной империи рост сепаратистских настроений, подрывавших основы имперского строя.